

ЮБИЛЕИ / ANNIVERSARY

К ЮБИЛЕЮ ВИТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БИАНКИ

В отечественной орнитологии есть люди, одно имя которых вызывает в памяти определённые образы. Виталий Витальевич Бианки, — это Белое море, Кандалакшский залив и остров Ряжков; буйство студенческой жизни среди седых скал и скрученных в узлы сосен; «муравейники» юннатов и первые опыты наблюдений за птицами. Виталию Витальевичу исполнилось 90 лет.

Школа Бианки — это «делай как я» и полная самостоятельность, покоящаяся на доверии «шефа». Постоянное усложнение научных задач. Разносы за легкомысленные просчёты и широкая улыбка, как награда за первую исследовательскую удачу. Через неё прошли сотни юных естествоиспытателей. Кто-то остался в науке, кто-то выбрал иную жизненную тропу. Но для всех тот юношеский опыт бесценен. Какую силу воли, сплав мудрости и доверия нужно иметь руководителю, формируя и направляя студенческие экспедиционные группы в нехоженые ещё орнитологами уголки Кольского п-ова, Белого моря и ещё дальше на север, в орнитологический рай дельты Печоры! Студенты-практиканты Виталия Витальевича в 1970-1980-х гг. топтали своими болотниками оленьи тропы, дельты рек, берега беломорских заливов и островов, с удивлением обнаруживая, как фрагменты их первых научных результатов формируют общую картину представлений об орнитофауне Европейского Севера. А в сущности, иначе и быть не могло в эпоху Бианки на Белом море. Это я вполне серьёзно.

Утверждение о том, что по-настоящему орнитологическая наука на Белом море началась в середине 1950-х гг. с приходом в Кандалакшский заповедник В.В. Бианки, если и является преувеличением, то совсем небольшим. Да, и до него на Белом море работало много других опытных орнитологов, оставивших в регионе заметный научный след. Да, в заповеднике и коллективе Северной орнитологической станции (на базе Кандалакшского заповедника) были

и другие яркие и подающие надежды молодые исследователи. Но такого азарта и верности выбранной цели — изучению морских и околоводных птиц Белого моря — не было ни у кого. Судовые обследования Онежского залива и других районов Белого моря, выбор приоритетов в исследованиях птиц. И в конце 1960-х — первая монография: «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива». И новый поворот — начало комплексного изучения гусеобразных. Активное использование авиационной техники, в частности, для учёта лебедей уже в масштабах Прибеломорья. В центре внимания Виталия Витальевича оказываются и другие виды водоплавающих птиц: от классического представителя беломорской орнитофауны — обыкновенной гаги до гоголя, постепенно превратившегося в любимой объект исследований. Здесь и первые попытки в экспериментальных условиях оценить энергетику питания массовых видов морских птиц, и изучение их трофических связей. В 1980-е гг. эти исследования получили продолжение в Онежском заливе Белого моря, в местах крупнейших миграционных стоянок на Беломоро-Балтийском пролётом пути. Их результаты позволили оценить роль водоплавающих птиц и их влияние на морские экосистемы западной части Белого моря, выявить возможные негативные последствия для орнитофауны при осуществлении одного из проектов по повороту северных рек на юг. Как итог этого периода жизни — защита докторской диссертации, посвящённой результатам многолетних исследований птиц Белого моря.

Вся творческая жизнь Виталия Витальевича неразрывно связана с Кандалакшским государственным природным заповедником. Вместе с родной организацией он пережил разные этапы развития и реформирования заповедной системы. И никогда не изменял своему выбору. От лица его бывших студентов хочется пожелать Виталию Витальевичу и в дальнейшем сохранять бодрость духа и творческий энтузиазм.

Ю.В. Краснов

Хозяин заповедника

Лето 1972 г., я в седьмом классе и к великому счастью утверждена в состав экспедиции биологического кружка 29-й спецшколы на Белое море в Кандалакшский заповедник под руководством замечательного педагога В.В. Кудрявцевой (позже нас прозвали «муравьями», а нашу руководительницу Валь Ивановной). Всю довольно долгую дорогу в поезде нас, неподсед, стращали великим и могучим Виталием Витальевичем Бианки, который обитает на о. Ряжков, будет давать нам задания и которого мы должны обязательно слушаться. Для учеников 7-го класса такие заочные беседы, конечно, мало что значили. Но вот мы в г. Кандалакше, на катере переправляемся на о. Ряжков, и нас встречает Виталий Витальевич. Сказать, что образ и облик этого человека потряс нас с самого начала, означает — не сказать ничего. Высокий, стройный синеглазый викинг с рыжей бородой и в зелёном берете! Не знаю как мальчишки, а девочки были потрясены и восхищены. Однако начались трудовые будни, многочасовые наблюдения за птицами, поиск гнёзд, комары, холод, дождь и другие трудности, с которыми не приходилось сталкиваться городским детям, и лучезарный образ подзабылся. А вспомнился он на сезонном, очень увлекательном мероприятии — сборе гагачьего пуха. Нас выстраивали цепью, и мы прочёсывали острова в поисках жилых и покинутых гнёзд гаг и других уток. Вот тут то и оказалось, что всё пребывание на острове нас успешно отгораживала от неповторимого строгого характера Бианки наша замечательная Валь Ивановна. Тут-то мы и получили по полной программе и ироничных, грозных окриков от красавца-викинга, и яростных молчаливых взглядов синих глаз в тех случаях, когда делали что-то или всё не так. Право на ошибку не имел никто: ни школьник, ни студент, ни тем более сотрудник заповедника.

И, тем не менее, обаяние как самих неповторимых мест Кандалакшского заповедника, так и его хозяина — Бианки, привело к тому, что в первые же студенческие летние каникулы я не только сама подалась на Белое море, но и прихватила своих новых подруг Машу Тарханову и Иру Перминову (ныне Иру Харитонову). Мы поехали, что называется, без приглашения, не

спросясь, ну и нарвались на совершенно справедливый вопрос Виталия Витальевича: «А вы зачем приехали?» Весь романтический флёр был одноmomentно уничтожен. Но мы всё-таки нашли в себе силы согласиться на любое задание. В результате чего оказались на о. Лодейном, который ранее был посещаем эпизодически, на время кольцевания птенцов (в основном гоголя). Наша же троица, а позже некоторые примкнувшие к нам, настолько полюбили и обжили этот остров, что проводили на нём по 2–3 месяца в году, занимаясь не только кольцеванием птенцов, но и многочисленными учётами, разными дополнительными наблюдениями, изучением бюджета времени выводков речных и нырковых уток, которые легли в основу наших дипломных работ. Ира Харитонова ежегодно работает на о. Лодейном до сих пор. У меня сложилось такое впечатление (возможно ошибочное), что и для В.В. Бианки о. Лодейный был особенным, и он был к нему крайне неравнодушен.

А что же мое отношение к Виталичу (как звали его в среде студентов)? Оно осталось по-прежнему как к божеству. Я не преувеличиваю, но, когда мы с ним разговаривали, учащалось сердцебиение, мы робели, иногда заикались, докладывая о тех или иных событиях в жизни птиц на острове, испытывали сильнейшие переживания, когда оказывалось, что мы в чём-то провинились. Однажды в очень дождливое, холодное лето мы позволили себе пилить сухие елочки для обогрева и готовки. Сдуру гордо поделились этим с Виталичем (что мол не растерялись, выжили). Какую же нахлобучку мы получили в ответ, и это стало для нас замечательным экологическим уроком о том, что в природе ни во что нельзя вмешиваться. Так же как нельзя мешать серебрястой чайке или ястребиной сове хватать с воды утят, как бы ни было жалко этих симпатичных, пушистых комочков. Несмотря на внешнюю строгость и даже холодность, Виталич периодически поражал своей добротой, иногда доходящей до сентиментальности. Как-то во время сбора пуха мы вплотную подошли к сидевшей на гнезде до последнего гаге и поймали её. «Вот наглая» — сказал кто-то из нас. На что Виталич ответил: «Не наглая, а доверчивая». Вообще отношение к животным у него всегда стояло на первом плане, к людям — на втором. Когда мы начали наблюдения за выводками уток на озёрах о. Лодейного, мы решили метить цветными кольцами самок, чтобы было удобнее за ними наблюдать в течение нескольких лет. Нам пришлось преодолеть значительное сопротивление Виталича, которые сомневался и остерегался, что пластиковые кольца могут повредить птицам, однако потом согласился. И совсем другое дело — отчёты студентов. Здесь на первом месте строгость, объективность, ирония, доходящая до сарказма. Как мы боялись этих «разборов полётов»! И как нам (по крайней мере, мне) это всё помогло в нашей дальнейшей жизни и работе. А эти потрясающие паузы по Станиславскому, во время которых ты передумываешь тысячу мыслей о том, что ты сделал не так!

Я назвала статью «Хозяин заповедника», потому что, на мой взгляд, такие люди, как Виталий Витальевич Бианки, являются истинными, а не формально назначенными хозяевами заповедных мест. Это их работа, их любовь, их жизнь, их смысл жизни. Я невольно призналась в любви к прекрасному учёному, педагогу, человеку и желаю ему ещё долгих лет жизни и работы в таком замечательном месте, как Кандалакшский заповедник. Спасибо Вам, Виталий Витальевич, за всё, что Вы сделали, делаете и будете делать. Дай Бог Вам прожить и проработать ещё долгие годы.

Любовь Курилович